

МЕТАДИАЛОГ В ЕГО ДИНАМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ

Барабанщикова О. Ю.

Киевский национальный лингвистический университет

Обґрунтованість звернення до діалогічної форми мови як утілення усної – первинної по відношенню до письмової – форми існування мови ґрунтується на прагненні розвинути за допомогою спостережень положення про межі між діалогом і монологом залежно від ступеня їх зв'язку з комунікативною суттю мови.

Ключові слова: метаєдиниця, метадиалог, чотирикомпонентна структура, питально-відповідальна єдність.

Particular attention to the dialogic form of speech as an embodiment of spoken language – prior to writing – is structured around desire to develop, through monitoring and using the observations of the boundaries between dialogue and monologue, depending on the level of their connection with the communicative essence of the language.

Key words: meta-unit, meta-dialogue, four-component structure, question and answer unit.

Актуальность статьи определяется связью ее темы с гуманитарной – философской – проблемой понимания смысла высказывания, обеспечения контактов для передачи мыслей в общении.

Цель данной статьи – проанализировать метаконструкции как специфически определенные единицы русскоязычного вербального общения, находящего отражение в диалогической и монологической речи.

В качестве источников материалов исследования использованы беллетристические произведения (среди авторов С. Антонов, Дудинцев, В. Конецкий, А. Рыбаков, А. Солженицын), а также массовые неспециализированные издания.

Учитывая то обстоятельство, что и у Р. Якобсона [1, с. 200] и у Н. Д. Арутюновой [2, с. 386] в качестве примера металингвистической функции использованы именно диалоги, рассмотрим метадиалог-эталон, употребив для дальнейшего анализа цифровую индексацию реплик:

1. – *Справная девка, сказала старуха Саше, – ты ей катетку подари, она и погуляет с тобой.*
2. – *Что значит катетка?*
3. – *Ну, платок по-вашему.*
4. – *Понятно* [6, с. 39].

Как видим, обмен собеседников репликами, цель которых прояснить смысл сказанного, имеет классическую форму: фиксированный четырехкомпонентный диалог, в котором первая реплика содержит непонятное для адресата слово, вторая представляет собой вопросительное предложение, где выражено недоумение по поводу этого слова, третья разъясняет его значение, четвертая подтверждает усвоение разъяснения.

Исследование синтаксической природы диалогической речи дает возможность сориентироваться в том, какие структурные схемы характерны для метадиалога. Соглашаясь с тем, что именно “коммуникативная заданность представляет собой то основополагающее свойство, которое охватывает все явление – диалогическую речь, следовательно она может быть положена в основу классификации диалога” [3, с. 6], можно определить такую заданность как необходимость толкования слова и иметь основания для выбора типа диалога. Однако рассмотрение особенностей предлагаемых исследователями трех типов диалогов приводят к выводу, что ни один из них (диалог-сообщение, диалог-обсуждение, диалог-беседа) не соответствует в полной мере метадиалогу.

Можно ли на основании вышеприведенного диалога утверждать, что адресата (Сашу) заинтересовала информация о “справной девке” (а это общее условие развития первых двух

типов диалога)? Исходя из приведенного фрагмента текста однозначный ответ рискован, ибо вопрос “Что значит кагетка?” может быть истолкован как желание переменить тему разговора. Тогда возникает версия о наличии разных “предметов информации”, что, по классификации О. И. Шаройко, характерно для диалога-беседы (при диалоге-сообщении и диалоге-обсуждении предмет информации должен быть один). Итак, меняется ли предмет информации, особенно если учесть, что адресату может быть непонятно не одно слово, а несколько слов в первой реплике? Обратимся к другому примеру:

– ... виноват, не виноват – десять в зубы, пять по рогам – и в лагерь.

– Что значит – по рогам?

– Ну, намордник пять лет.

– А что значит намордник?

– Божже мой, какая вы необразованная... Намордник – значит кусаться нельзя. Лишение гражданских прав. Нельзя избирать и быть избранным [12, с. 243].

Следует ли понимать такое “многотемье”, как сигнал расслоения единого текста? Очевидно, нет. И не только потому, что здесь каждая очередная реплика “цепляется”, за предыдущую и в свою очередь провоцирует следующую, но и по причине еще более веской: видимое отвлечение от основной темы, напротив, как видно, способствует углубленному ее осмыслению. Условно став на эту точку зрения (наличие информации лишь об одном предмете, но с уточнениями), можем проследить за дальнейшим ходом рассуждений о диалоге-сообщении, в частности, за тем, что в его сопутствующих и направляющих репликах содержатся структуры вопросительно-побудительного плана. Кстати, при исследовании этого типа диалога О. И. Шаройко [3, с. 18] приводит пример, непосредственно соотносящийся с данной темой:

– А что такое тигровый глаз?

– Эх ты, – говорил обиженно отец. – Это камень! За него дают много денег.

Как видим, иной объект исследования (схема простых предложений в диалоге) дает автору возможность опустить необходимую, с нашей точки зрения, реплику (– Когда ты будешь большой, ты поедешь в Индию и найдешь там тигровый глаз), которая определяет в рассказе К. Паустовского логику построения данного диалога (непонятное мальчику выражение), в частности, обосновывает появление реплики-вопроса, провоцирует как реплика-стимул реплику-реакцию [4, с. 9].

Заметим, что вторая реплика в метадиалоге, которой принадлежит роль рычага, способного изменить тему разговора, всегда оставаясь по сути вопросительной, может быть трансформирована в повествовательное предложение:

– Напрасно персифлируешь. Великая мастерица персифлящи. – сказал бегун уже прямо мужчине в ковбойке. Тот улыбнулся и развел руками.

– Я не знаю этого слова.

– Лесть, маскирующая насмешку [10, с. 117].

Поскольку попытка соотнести метадиалог с одной из трех разновидностей диалога, очевидно, не может увенчаться успехом, речь должна идти о структурных схемах “с нарушенным компонентным составом”, сферой формирования и функционирования которых “являются вторые смежные реплики диалогического единства” [3, с. 15]. Если учесть, что реплика четырехкомпонентного диалога может “распределяться между двумя диалогическими единствами” [5, с. 28], то становится очевидным: именно этот принцип является основополагающим для конструирования двух первых реплик метадиалога, хотя объединяющее их слово (кагетка) может быть во второй реплике опущено и заменено указательным местоимением (“Что значит это слово?”, “Я не понимаю этого слова”) либо обобщенной констатацией недоумения (“Не понял...”, “Простите...”), просьбой повторить (“Что, что?”, “Как, как?”), выраженных подчас синтаксическими “осколками” [4, с. 12]. В этом случае объясняемое

слово составляет, как правило, ядро третьей реплики, которая может быть представлена в виде эталонной формулы метаконструкции, аналогичной лексикографической статье: *катетка* – платок, *тигровый глаз* – реликтовый камень и т. д.

Что касается четвертой реплики (“Понял, понял; Спасибо, что разъяснили”; “Теперь-то я запомню это слово”), то она чаще всего либо вовсе не фиксируется в метадиалоге, либо становится принадлежностью двух разных диалогических единств: после подтверждения адресантом понимания сказанного (заметим, что констатация усвоения информации может касаться не только конкретного слова, но и смысла всего услышанного ранее) следует напоминание о прерванной метадиалогом основной теме.

С точки зрения необходимости более полного учета компонентов диалога на лингвистическую тему ценность представляет понятие “вопросно-ответное единство”, упомянутое в академической Грамматике русского языка [7, с. 90], а впоследствии включенное в исследование диалога многими русистами, которые рассматривают диалогические единства как особую коммуникативную единицу.

Совпадение в общей установке – “реплики, взаимообусловленные лексически, грамматически, интонационно и коммуникативно выступают как единое языковое целое – диалогическое единство, особая сложная коммуникативная единица диалогической речи” [5, с. 9] – не исключает, однако, расхождений в частностях, которые при изучении метадиалога приобретают принципиальное значение. Рассмотрим некоторые из таких несоответствий, суммируя уже сказанное ранее.

1. Несостоятельным, вернее, смещенным, оказывается утверждение, что импульсом к образованию диалогического единства является вопросительная интонация первой реплики. В метадиалоге интонация этой вводной реплики – повествовательная, не предполагающая отклонения от темы. Вопрос, правда, может переместиться и в первую реплику, если адресант предвидит возможное недоумение собеседника (“Ты ей катетку подари. Знаешь, что это такое?”). Утвердительный ответ устраняет необходимость конструирования метадиалога, а отрицательный, не меняя дальнейшего хода обмена репликами, лишь дополняет первую из них, нейтрализуя тем самым вопросительную интонацию второй реплики.

2. В четырехкомпонентном диалоге, принятом за образец, именно вторая реплика (“Что значит *катетка*?”), независимо от того, занимает эту синтаксическую позицию собственно вопросительное предложение, повествовательное с просьбой разъяснить слово или просто недоуменный взгляд, жест (невербальный способ коммуникации), постулирует образование диалогического единства, так как предопределяет связь и с предыдущей и с последующей репликами, формируя тем самым метадиалог. Роль этой реплики-стимула можно определить как индикатор метадиалога, концентрирующего сущностное предназначение функции толкования: обеспечивать взаимопонимание коммуникантов на уровне объяснения как превентивного условия успеха процесса общения в целом.

3. Представление о диалоге как тексте со свернутыми конструкциями предложений (благодаря связанности реплик возможны сокращения в угоду динамизму, краткости, характерным для естественного хода коммуникации), практически подтверждаемое лаконизмом вторых реплик (“Что значит это слово?”), сплошь и рядом не согласуется с видом третьих реплик метадиалога. За исключением случаев простого перевода, встречаемых в средствах массовой информации (– Необходимость добиться *консенсуса*, добиться согласия на самостоятельной, *автаркической*, если хотите, основе), толкование жаргонизмов (*Салаги* – это, иначе сказать, новобранцы, еще необстрелянные ребята), расшифровка аббревиатур (*АРКАН* означает Афоризмы, Рассказы, Карикатуры, Анекдоты, Насмешки). Пространность и обстоятельность третьих реплик объясняется двумя причинами. Первая из них связана с разной степенью объемов значений слов, попадающих в орбиту обсуждения: одно дело объяснить, что *весь* – это село,

лишь бы дефиниции-синонимы были понятны собеседнику на основании его фоновых знаний, и несколько иное – растолковать непосвященному, какие реплики стоят, например, за словами *боевик* и *террорист* в газетной статье:

(1) – ..утверждали, что на площади действовали подготовленные группы боевиков, причем группы, которые специально тренировались.

(2) – *Боевик* – это как понять?

(3) – В переводе на юридический язык – *террорист*.

Другая причина “утяжеления” третьей реплики соотносима как с регистрируемым исследователями диалога фактом совпадения синтаксического и интонационного оформления несмежных реплик диалога [5, с. 22], так и с разными коммуникативными ролями собеседников. Тот факт, что именно нечетные (1, 3) реплики четырехкомпонентного диалога принадлежат носителю информации, а четные (2, 4) – ее получателю, определяет их интонационную и синтаксическую структуру. Показательно, что в этом случае возможно произвольное расширение протяженности реплик и содержащейся в них информации, превышающей, по воле адресанта, необходимый при толковании минимум.

Про утопистов слышал? Нет? А я слышал. Изнат нам лекцию про них рассказывал. Народ такой был – утописты. У них было все бесплатно. И квартира, и сало, и молоко, и промтовары – все задарма. А чтобы с других краев на даровицинку не набегали, отгородились они от мира забором; забор из кирпича, с башнями и с караулом. У утопистов денег не было, играли божественные гимны. Поскольку у утопистов не было частной собственности, двери они не запирали никогда.[...]. За обедом всем, конечно, давали мясо, гречку, компот и прочую закуску по научной норме, чтобы могли работать, но не обжирались. ... утописты добились уничтожения частной собственности и противоположности между городом и деревней, а после того забрались на кирпичную стену, попрыгали оттуда в море и утопились. Поэтому и называются утописты... Вот и называют их, бедолаг, не баптисты, не уклонисты, а все же таки утописты. Каждое название проклевывается и кустится от одного зернышка, Митяха. Вот ты только меня увидел, а уже Макуном кличешь. Какой я Макун? Я Макарь Софонович Петров, а Петр в переводе с заграничного – камень. Вот кто я.

– Почему же, если вы камень, на Макуна откликаетесь?

– Зовут – и откликаюсь.

И вспомнились Макуну давние годы, когда был он не Макуном, а Макарькой. [ ] То и дело раздавался крик: “Макарка, ведро!” И повадился голодный Макарька питаться на ходу. Макнет пальцы в ведро и сосет сладкие сливки. И прозвали доярки его Макуном...

Всего этого Макун рассказывать Мите не стал. А прощаясь, пояснил:

– Макун – название заморское. Поскольку Петр по-нашему – камень, постольку Макун обозначает сурьезный предмет [11, с. 178–179].

Этот пример, рассмотренный в аспекте исследования металингвистической функции, может представлять интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, он содержит слова, подлежащие, по мнению адресанта (по воле автора), толкованию: термин, который в данной ситуации можно рассматривать как неологизм; иностранное слово; прозвище-жаргонизм. Во-вторых, семантизация осуществляется по разным лексикографическим моделям:

Утопист – представитель народа, жившего в Утопии, где все было бесплатно ... (по толковому словарю – сторонник утопического социализма с уточнением энциклопедического характера понятия *утопия* как домарксистского социалистического учения), от глагола *утопиться*, т. е. лишиться себя жизни, бросившись в воду (ложная этимология, соотносимая, однако, со справкой в словаре Ожегова: по названию произведения английского писателя XVI века Томаса Мора;

Петр – камень (по типу двуязычного словаря собственных имен: от франц. *pietre* – камень);

Макун – от глагола *макать*, т. е. опускать во что-нибудь жидкое (тип этимологического и словообразовательного словаря).

В-третьих, указанные метаединицы включаются в текст на правах компонентов, определяющих не только смысловую сторону (толкование слова), но в какой-то мере и синтаксическую структуру.

Попытка обозначить границу между диалогом и монологом, откликнувшись таким образом на призыв М. Н. Кожиной [6, с. 160], которая вслед за первоисследователями диалога и монолога (Л. П. Якубинским, Л. В. Щербой, Г. О. Винокуром, В. В. Виноградовым) главную причину размытости, условности этой границы видит в коммуникативной природе языка.

Не подвергая сомнению целесообразность анализа степени диалогичности монолога, считаем правомочным обратный (вернее, прямой, поскольку именно диалог первичен с точки зрения речемыслительного процесса) ход исследования: от диалога к монологу.

Сопоставим уже приведенные выдержки из текстов. В частности, структурно-смысловая схема четырехкомпонентного диалога-эталона, цель которого – толкование слова, катетка имеет такой вид:

- 1 – реплика-стимул, в которой употреблено непонятное собеседнику слово;
- 2 – реплика-реакция (просьба разъяснить непонятное слово);
- 3 – реплика-ответ адресанта, разъясняющего непонятное слово и тем самым уточняющего смысл своей первой реплики;
- 4 – реплика-подтверждение понимания слова (возможно, всего разговора в целом).

Если обратиться к примеру об утопистах, “наложив” на него в качестве трафарета предложенную выше схему диалога-эталона, то уже по первой реплике можно сделать вывод, что она поглотила вторую реплику (возможный вопрос или просьбу Мити объяснить непонятное слово, в данном случае выраженную, очевидно, отрицательным жестом) и слилась с третьей, образовав, по существу, монологическую метаструктуру с элементами диалога (вопросы: “Слышал? Нет?”).

Подобное слияние трех реплик метадиалога нередко практикуется в интервью, по законам которого чрезмерное дробление текста встречными репликами нежелательно (журналисту пришлось бы то и дело прерывать речь собеседника), особенно когда слово предоставлено лицу не только компетентному, но и по роду своей деятельности призванному убеждать, разъяснять. Как, например, в разговоре с протоиереем Покровского монастыря отцом Михаилом: – Что значит слово пост, знаете? Воздержание. А Великим он называется не потому, что во времени продолжителен – сорок дней. А потому, что величественен по своей важности.

Сродни таким интервью воспроизведение устных диалогов в мемуарах, авторы которых стремятся подчеркнуть важность для них общения с тем или другим человеком. Как, например, в воспоминаниях В. Конецкого о Викторе Некрасове [12, с. 52]:

– Мне кажется, что зуавы это то же, что и спаги.

– Нет. Спаги – во французских колониальных войсках – кавалеристы из местного населения в Северной и Западной Африке. Зуавы же – части легкой пехоты, и комплектовались не только из местных, но и французских добровольцев... А откуда “сапер”, знаешь?

Конечно я не знал.

– От французского “сапа”, а “сапа” от итальянского “заппа” – заступ. Траншея, которая велась осаждающими в то время, когда они подступали к крепости ближе, чем на оружейный выстрел. Ну а “сапер” – это тот, кто ведет сапу.

Процесс взаимоперехода диалога в монолог, на наш взгляд, наиболее наглядно проявляется при последовательном анализе трансформаций, происходящих в каждой из реплик метадиалога. Так, несмотря на присутствие в первой реплике, поглотившей последующие, внешних признаков диалога (оформление тире или кавычками, использование вопросно-ответного комплекса, обращений и т. п.), эта реплика по протяженности и информационной емкости приближается к монологическим структурам. С другой стороны, предваряющий диалог монологический отрезок текста, как правило, содержит элементы метаструктуры, хотя

не обязательно передает содержание, характерное для первой реплики. Например, в представленном ниже отрезке текста авторское повествование содержит описание неизвестного собеседнику предмета (часть потенциальной третьей реплики), а лишь затем названо незнакомое адресату слово, что нарушает принятый в метадиалоге-эталоне порядок чередования реплик:

(3) На плоском дощатом прилавке выставлен ржаной, домашней выпечки хлеб, аккуратно порезанный на равные округлые ломти. А рядом и вовсе чудное: белое, длинное. Колька увидел, будто споткнулся на ходу. Уставился завороченно. Сашка его легонько шуркнул:

(1, 3) – Чево, как баран на новые ворота-то... Батон это! Белая такая булка, в кино показывали. [13, с. 85]

Примечательным представляется и такой факт: отрезок монологического авторского текста в статье о Николае Рерихе (образец дистантного общения с читателем), который содержит подлежащее толкованию слово, дает импульс для метадиалога с четко обозначенным собеседником (образец контактного общения).

Вспоминаю старого гуру-прорицателя, который подошел, когда я стояла около гранитного камня, на котором вырезаны слова “Махарашхи Рерих”.

– Кто такой махарашхи? – спросила я его.

– Это тот, чьи дела и мысли обгоняют устремления живущих с ним рядом, и поэтому эти дела и мысли после его ухода еще долго продолжают жить и служить людям.

– Никогда не слышала такого определения махарашхи.

Заметим, что оформление последней реплики как части диалогического единства, можно считать условным (ошибочным?), так как признание в неожиданности толкования слова махарашхи адресовано не столько гуру-прорицателю, сколько читателю, уже знакомому по предыдущему повествованию с привычным автору толкованием этого слова – мудрец. Таким образом, эта реплика практически входит в авторский текст-монолог.

Легко объяснимо отсутствие трех (2, 3, 4) реплик метадиалога, когда автор статьи, знающий уже смысл названного контактным собеседником слова, не нуждается в переспросе и продолжает свой монолог, включая в него толкование для читателей:

– Что творится в Баку, что творится! – восклицал водитель такси, рассказывая о погромах. Но это не бакинцы, – повторял убежденно, это еразы.

“Ераз” – слово бранное. Ереванский азербайджанец, так оно расшифровывается, а проще. Беженец из Армении, один из двухсот тысяч беженцев, живущий в Баку, бывший крестьянин, попавший в город. И даже не живущий, существующий, без квартиры, прописки, хоть какой-нибудь собственности. Скитающийся днями в поисках возможности заработать. Озлобленный и на армян, да и на бакинцев, на правительство. Это “люмпен”, в хрустально чистом виде.

Еще очевидней необходимость перехода от диалогического отрезка текста к монологическому в тех случаях, когда автор повествования констатирует непонимание собеседником произнесенного в диалоге слова и тем самым предотвращает не только появление второй реплики метадиалога, но и вообще пресекает обсуждение данной темы:

– ... Ведь среди них есть и невиновные?

Эрнст обстоятельно выслушал и ответил солидно, как о думанном уже:

– Конечно, есть. Это неизбежно при всякой пенитенциарной системе.

Клара не поняла, какая система, и в ответ не вдумывалась [14 с. 238].

Как видим, ущербность коммуникации здесь предопределена тем, что не решена задача металингвистической функции как функции толкования, так как не только собеседник эрудита, но и читатель может остаться в неведении относительно термина пенитенциарный (от франц. и лат. раскаяние – касающийся наказания, главным образом криминального). Более благоприятно для читателя складывается ситуация в том случае, когда толкование происходит, хотя и за пределами диалога, что может способствовать большей обстоятельности пояснения:

– Я кавежеденка.

– Кто?

Я явно не знала ни такой профессии, ни такой национальности. Пройдет еще несколько месяцев и столкнусь в Бутырской тюрьме с десятком людей называвших себя этим странным словом. Короче, это были русские люди, по большей части квалифицированные рабочие, служившие на Китайско-восточной железной дороге и приехавшие на советскую родину после того, как дорога была нами продана [15, с. 39].

Если учесть, что метаединства (такой термин, по-видимому, правомерен в качестве аналога вопросно-ответным и диалогическим единствам) обладает определенной структурной оформленностью, есть основания предполагать: их дальнейшее углубленное изучение с опорой на образцы естественной практики общения и языковой интуиции исследователя способно внести вклад в научную разработку теории текста, в частности, в выявление его дискретации (прерывности) и делимитации (разграничения).

Литература

1. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. Структурализм за и против / Роман Якобсон. – М. : Прогресс, 1975. – 250 с.
2. Арутюнова Н. Д. Функции языка / Наталья Давидовна Арутюнова. – РЯЭ, 1979. – 497 с.
3. Шаройко О. И. Структура диалогической речи в произведениях советской прозы / О. И. Шаройко. – Одесса, 1969. – 68 с.
4. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета / Наталья Ивановна Формановская. – М. : Русский язык, 1982. – 192с.
5. Святогор И. П. О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке: Диалогическое единство / Иван Павлович Святогор. – Калуга, 1960. – 40 с.
6. Кожина М. Н. О некоторых актуальных проблемах функциональной стилистики / Маргарита Николаевна Кожина – Пермь, 1982. – 215 с.

Источники иллюстративного материала

7. Грамматика русского языка: в 2-х т. – / М. : АН, 1954. – 434 с.
8. Рыбаков А. Н. Дети Арбата / Анатолий Наумович Рыбаков. – М. : Новый Мир, 1987. – 148 с.
9. Солженицын А. И. В круге первом / Александр Исаевич Солженицын. – М. : АСТ, 2008. – 469 с.
10. Дудинцев В. Д. Белые одежды / Владимир Дмитриевич Дудинцев. – М. : Вече, 2014. – 560 с.
11. Антонов С. П. Овраги / Сергей Петрович Антонов. – Л. : Лениздат, 1990. – 720 с.
12. Конецкий В. В. Париж без праздника / Виктор Викторович Конецкий. – М. : Новый мир, 1989. – 128 с.
13. Приставкин А. И. Ночевала тучка золотая /Анатолий Игнатьевич Приставкин. – М. : АСТ, 2016. – 288 .
14. Солженицын А. И. В круге первом / Александр Исаевич Солженицын. – М. : АСТ, Neoclassic, 2012. – 768 с.
15. Гинзбург Е. С. Крутой маршрут / Евгения Соломоновна Гинзбург. – М. : Ред. Шубиной, 2016. – 744 с.